

УДК 82-3
ББК 84(2Рос=Рус)6
Т98

*Составитель серии Андрей Геласимов
Художник Алена Геласимова*

Тюжин А.

Т98 О чем молчат твои киты. Роман. — М.: ИД «Городец»,
2020. — 288 с. (Серия «Ковчег».)

Вот так живешь-живешь, а потом бац — и уже доживаешь. Врачи, диагноз, обследования... А ты еще молод, еще ничего не успел, ничего не добился, да и нужно ли теперь? И есть ли силы на это? Можно опустить руки и плыть по течению, слушая песни китов, а можно собрать волю в кулак и получить последнюю дозу удовольствия и принести пользу людям. Тем, кто уйдет вслед за тобой, тем, кто останется. Твой выбор?

ISBN 978-5-907085-32-9

© А. Тюжин, 2020
© ИД «Городец», 2020

Елене Манн

Неделя не задалась. Одни говорят так, если выходные прошли не очень, а тут еще и работой загрузили или начальник наорал, как на малолетку, другие говорят о полученной двойке за мекание у парты, у третьих прорвало трубу и залило соседей, у четвертых просто сломался ноготь или глючит приложение на телефоне. Если я услышу подобную фразу от кого-то, я:

— рассмеюсь ему в лицо;

— стану выразительно жестикулировать руками и пальцами;

— выкручу ему соски;

— уточню, уверен ли он в своем высказывании;

— пошлю его на три или на четыре буквы.

Ноготь? Серьезно? Ок. У вас, действительно, не задалась неделя, а у меня...

Алиса сказала: «Да пошел ты!» — и вышла из комнаты.

Алиса сказала: «Мы смотрим в разные стороны!» — и воткнулась в стену.

Алиса сказала: «Мне ничего от тебя не нужно!» — и собрала вещи, даже заколку, что я подарил ей час назад.

Алиса сказала: «Ты несерьезный!» — и пять минут умилялась щеночку на третьем канале.

Алиса сказала: «Я целеустремленная, а ты — нет, — и добавила, — вызови мне такси, а то у меня полтора рубля на балансе».

Я долго смотрел, как не хотели закрываться створки лифта, а затем она уехала.

Кто такая Алиса?

Алиса — дура. Теперь уже можно так сказать. Она уже не моя девушка. Она уже бывшая. Не все бывшие дуры, но Алиса именно такая.

Никогда мне не нравилось имя Алиса.

Это раз.

Два:

Валера сказал: «Зайди ко мне».

Я зашел.

Валера сказал: «Сядь».

Я сел.

Валера сказал: «Старик, мы давно знакомы».

Я кивнул.

Валера сказал: «Посетители жалуются на тебя».

Я удивился.

Валера сказал: «Ты стебешься над ними и даешь неправильные подсказки».

Я ухмыльнулся.

Валера сказал: «И еще ты пьешь на рабочем месте».

Я сказал: «Пиво».

Валера развел руками.

Я сказал: «Я больше не буду».

Валера сказал: «Ты больше не будешь, — и добавил, — ты уволен!»

Валера — мой начальник. Мой бывший начальник.

Имя Валера мне тоже никогда не нравилось. Оно женское.

Меня зовут Илья.

Доктор сказал: «У вас рак».

Три.

Ха-ха, очень смешно. Рак.

— Стоп, подождите, как рак? Это какой-то розыгрыш?

— Молодой человек, кто такими вещами шутит?

Я пожал плечами.

— Злые клоуны.

Но доктор не был клоуном, он не шутил и не улыбался. Он что-то говорил, практически не шевеля губами, а я ничего почти не слышал. Я пытался осознать этих два страшных произнесенных им слова с предлогом у.

Я услышал: «Третьей стадии».

Я услышал: «Шансы есть, но мало».

Я услышал: «Около года».

Я услышал: «Лечение».

Я услышал: «Химиотерапия».

Я услышал: «Случай...» и «Не нужно терять надежду».

А дальше только «уууууу» и «бам-бам-бам», как будто в клубе включили громкую музыку на всю мощность.

Вот это не задалась неделя...

И сразу начали роиться мысли. Полетели, как сотни мошек на свет.

Не верю!

Не может быть!

Только не со мной.

Вы что, издеваетесь?

Да не может быть, я говорю!

Мне 29 лет.

Какой к черту рак вообще?

Это что, прямо в эту самую секунду во мне какие-то там чертовы клетки размножаются?

Дядя Федя умер от рака. Рака легких.

В 57.

А мне — 29.

Рак желудка.

И тут же в холодный душ. В чем был, не раздеваясь. Капли с силой хлестали лицо и одежду, стекали прозрачными

струями. Вода была холодная, очень холодная, но я не чувствовал этого. Я ничего не чувствовал. Словно парил в космосе, словно ничего не было вокруг, только невесомость. Абсолютная невесомость. Я летел. Я был в космосе, а во мне эти гадкие клетки, эта жуткая опухоль, будь она трижды проклята. И я рухнул вниз, со всей силы о землю шмякнулся.

А ведь сегодня вторник. Обычный вторник обычной недели обычного месяца. Сколько их теперь мне осталось?

Не такой уж и обычный. Да нет, это всего лишь сон. Ну, конечно, как сразу только не догадался? Обыкновенный сон, только не самый приятный. Нужно скорее проснуться, открыть глаза, и ничего этого не будет. Ничего этого со мною не будет. Итак.

Раз!

Два!

Три!

Открыл глаза, поднял голову. Сверху брызжет ледяная вода. Она хлещет меня по губам, по носу, по щекам. Становится дико печально и холодно. Словно корабль потонул, а меня выкинуло на Северный полюс, и вот я один, в гавайской рубашке, посреди снега. И всюду только этот снег и льдины, и минус 64°С. Холодно. Брр.

Нет, это был не сон. Кошмар да, но наяву. Наяву...

Что же теперь делать?

Я вспомнил все фильмы и сериалы, которые видел, про рак.

Это были:

«Достучаться до небес»

«Спеши любить»

«Смерть супергероя»

«Большая буква Р»

«Пока не сыграл в ящик»

«Жизнь прекрасна», или «50/50»

«Я, Эрл и умирающая девушка»

«Во все тяжкие» 4 сезона. 5-й не успел досмотреть.

А вдруг не успею?

Побежал к компу, поставил на закачку.

Немало сняли фильмов, но от этого не легче.

Когда смотрел, думал:

— Печально, но со мною такого точно не будет.

— Вот они играют больных, к ним самим болезнь не привяжется?

— Странно, что не снимают кино про абсолютно здоровых людей.

— Такие фильмы одинаково заканчиваются.

— Когда уже, наконец, придумают эффективное лекарство?

— Я бы сам не стал в таком фильме сниматься.

Не стал бы... А я и не в фильме.

И сразу навалилась депрессия. Плотно так насела на плечи здоровенным слоном, потрясла своим задом, чтобы поудобнее разместиться, и хобот сверху накинула. Вдавила в диван, в общем.

Первым делом я напился. Не надо бы, но я же русский человек. А что делает русский человек, когда сталкивается с трудностями? Правильно, бежит от них куда подальше, заливает горе адским зельем и плачется потом о том, какой он несчастный, и как судьба к нему жестока. Я не исключение.

Но сперва перебрал в уме всю жизнь. Свою, разумеется. Не Майкла ДудикOFFа. Считается же, что перед смертью вся жизнь проносится перед глазами. А тут не то что пронеслась, скорее, наоборот — забуксовала:

Детство в сталинке.

Детский сад «Колокольчик».

Танька Арбузова с раскосыми глазами.

Детство в хрущевке.

Школа номер 66.

Анна Степановна — биологичка.

Выпускной.

Универ.

Первый курс.

Второй курс.

Отчисление.

Восстановился.

А дальше полный тормоз, как будто и не было ничего.

Вроде и не заслужил болезнь. Не убивал, не грабил, не насиловал. Были грешки, но мелкие, как у всех. Но разве болезнь думает о справедливости?

Теперь обо всех этапах подробнее.

Детство в сталинке.

Мне три. До этого ничего не помню. Жил, как и все младенцы, одними инстинктами. Вряд ли кто-то сможет похвастаться чем-то более интересным. А тут мне три, я сижу, играюсь в пирамидку, по стене ползет таракан и падает вместе с куском отвалившихся бежевых обоев. Мать в бигуди и с сигаретой дымит в форточку, пока Батя засел на унитазе с бессменной газетой и такой же, как у матери, сигаретой (пачка-то одна). Соседи ругаются из-за телеканала. Их слышно даже на улице. Мать выбрасывает бычок, душит какими-то дешевыми духами с резким запахом, от которого я морщусь, чихаю и зажимаю нос. Таракан бежит по полу, и мать хладнокровно придавливает его дырявым тапком, из которого торчит ее длинный костлявый палец, и размазывает по линолеуму. Подняв обои, она молча качает головой.

— Вижу, — говорит появившийся в комнате отец, — сделаю этот чертов ремонт. Я же обещал. А этих рыжих надо все-таки дихлофосом потравить.

Он не сделает ремонт.

Он не потравит тараканов.

Он сломает ногу, будет полтора месяца лежать в гипсе.

Он уйдет в запой от безделья.

Он уйдет из дома, вернее, мать выгонит его.

Он переспит с тетей Катей — одноклассницей мамы — и никогда не вернется домой.

Года три назад я заходил в нашу сталинку. Обои другие, но тараканы по-прежнему бегают.

Детский сад «Колокольчик».

В детском саду было весело, правда, недолго. На третий день во дворе я порезал ногу об осколок бутылки и потерял сознание.

Испугались дети.

Испугались нянечки.

Испугалась пухлая повариха тетя Маня.

Не испугался только дворник дядя Анзор. Он вызвал скорую.

На скорой меня увезли в больницу. И хотя у меня оказалась небольшая потеря крови, чувствовал я себя ужасно, а мать так и вовсе ревела, будто я подорвался на mine и мне оторвало ногу, а не поранился об осколок и не отделался хоть и глубоким, но всего лишь порезом.

Больше в детский сад меня не водили.

Внешне он не сильно отличался от остальных: двор, двухэтажный кирпичный дом, детская площадка — ничего примечательного. Но была у него и своя тайна: ходили упорные слухи, что под ним находился старинный склеп какого-то богатого-пребогатого купца, в котором его

захоронили вместе со всем богатством. Поэтому наш сад хотели отжать бандиты, но не смогли. Нянечки отбили.

Могилу потом, правда, отыскиали, но никакого клад а в ней не было. Дядя Анзор по ночам вел раскопки.

Еще помню, проснулся во время тихого часа и посмотрел на кровать напротив. На ней лежал колобкообразный Павлик и не спал. Он обделался во сне и вот теперь лепил шарики из говешек и бросался ими во всех подряд. Заметив, что я наблюдаю за ним, он юркнул под одеяло и, кажется, навалил еще одну кучку. Увидев эту картину, нянечка не выдержала и матом наорала на Павлика. Все долго хихикали. А на следующий день с ним никто не здоровался и не разговаривал. Потом я поранил ногу.

Еще мы нашли в траве мертвую кошку, и все тыкали в нее палками, а Танька Арбузова растолкала всех и стала ее гладить.

Танька Арбузова с раскосыми глазами.

Она жила по соседству. Странная, рыжеволосая, с большим ртом. Вечно носилась то с кошечками, то с собачками, то с хомячками. Она никогда не плакала, хотя...

Ее дразнили.

Ее обзывали.

Ее боялись.

Ее колотили.

Над ней смеялись.

Ее обманывали.

И ее запирали в подвале.

Я тоже ее боялся. Страшно было смотреть в ее раскосые глаза, однако ничего страшного в них не было. Но кто-то пустил слух, что она колдунья, и от одного ее взгляда можно превратиться в жабу или скунса. В жабу никто

превращаться не хотел, да и в скунса тоже. Но однажды мы играли в казаков-разбойников, и я провалился в люк. Все с криком разбежались врассыпную, и только Танька Арбузова, чудом сидевшая в кустах неподалеку, возникла надо мною в огромном и жутком отверстии со своим раскосым взглядом, быстро оценила ситуацию и убежала за взрослыми. Через три минуты я был спасен дядей Толей — соседом с нижнего этажа — и отшлепан матерью, за «шляние там, где не надо».

— Скажи спасибо дяде Толе, — гаркнула мама.

— Спасибо, — сказал я, потирая покрасневшуюся поясницу.

— Ее благодари, — улыбнулся дядя Толя, кивая на Таньку, — а то плавал бы щас.

И Танька посмотрела на меня долго и пристально. Я зажмурился и стал щупать себя. Нос, рот, уши. В жабу не превратился. Ни сейчас, ни после. Так я узнал, что Танька не колдунья, и перестал ее бояться, хотя и дружить с ней не решился. Пару раз, правда, угостил ее конфетами, но только когда никто не видел.

А потом мы переехали.

Детство в хрущевке.

Зеленые обои.

Тараканов нет.

Соседи аж в другой квартире, а в не соседней комнате.

Первая Денди.

Рубилово в «Танчики», пока не лопнут в глазах сосуды.

Вторая Денди.

Отдельные туалет и ванна. Только наши, без очередей и скандалов.

Я часами просиживал в ванне, нырял, пускал кораблики и уток, потом снова нырял и снова, пока в нос и уши не

попадала вода. Кожа морщилась и становилась прикольной на ощупь. Я гладил ее и улыбался. Мать пугала, что если я буду столько времени проводить в ванне, то кожа никогда не разгладится, и я рано состарюсь. Меня это не останавливало.

Я был единственным, кто не ходил в сад. Мать работала на дому. Шила платья, шторы, брюки, вязала шарфы и свитеры.

На первом этаже жила тетя Тома. Тетя Тома была всегда веселая и всегда под хмельком. Часто она напивалась до отключки и засыпала возле дома на лавочке или прямо на земле. Один раз я подошел к ней, а у нее задралась юбка. Я долго смотрел на ее красную задницу, похожую на мандариновую корку, выглядывавшую из грязных застиранных трусов с огромной нештопанной дыркой. После чего она, словно почувствовав, проснулась, повернулась ко мне и, улыбнувшись беззубой улыбкой, сказала:

«Сиську хочешь?»

Я с криком убежал и всегда держался от нее подальше.

У нее было много «ценителей ее импозантности». У матери ни одного.

Они били ее.

Грабили ее.

Бросали ее.

Писали на нее заявления.

Она не злилась. Прощала всем и умерла в 44 года. Кажется, от рака печени.

В тот год я пошел в школу.

Школа номер 66.

Я не суеверный, но все же это был не лучший вариант для учебы.

Обшарпанные стены.

Малолетние наркоманы на заднем дворе с цветастым пакетом, красными глазами, заторможенные, но с неизменным вопросом: «Филки есть?»

Отваливающаяся штукатурка в спортзале.

В первый же день собрали деньги на новые обои. Белые, с нелепым узором.

Восьмой класс «Г» боялась вся школа. Второгодки, подростки из сложных семей, хулиганы — каждый второй стоял на учете в детской комнате милиции. Все с облегчением выдохнули, когда они закончили девятый класс и, отметив выпускной, разлетелись по всем улицам и подворотням нашего города.

Я сидел с толстым Ваней, каждый урок он доставал из рюкзака пирожные, бутеры или пирожки, делал вид, что уронил ручку, и ел их под партой. Еще он редкостно портил воздух и громко ерзал на стуле, пытаясь замаскировать свои мерзкие пуки, но я их слышал и чувствовал. Я зажимал нос, я зажимал рот, я носил медицинскую маску, но это не спасало. Он был намного больше меня, я даже не мог его поколотить. Я называл его вонючкой, а он только разводил руками и говорил: «Да брось ты». Я отсаживался от него. Каждый день я отсаживался от него, но классная заставляла вернуться на место и отчитывала, постукивая указкой по своей шершавой ладони. Все ржали надо мной, показывали пальцем, зажимали носы. Я кричал, что он Ваня, потому что воняет. Классная стыдила, говорила, что я все выдумываю, что я хулиган, что меня тоже надо было отдать в «Г» класс, и вызывала мать в школу. Однажды я демонстративно встал и объявил всем: «А Ваня жрет, смотрите!». После чего отодвинул парту. Ваня злобно смотрел в мою сторону и грозил кулаком, доедая увесистую котлету. Но классная и на этот раз ополчилась на меня, утверждая, что:

воспитанные мальчики так себя не ведут,
что, конечно, это нехорошо, но Ваня гораздо крупнее
меня, а значит, ему нужно чаще и больше есть,
что я совершенно нетерпелив к недостаткам других
и, следовательно, сам ничем не лучше,
что я буду сидеть с ним до тех пор, пока не научусь
быть терпеливым,
что я — ябеда, а ябед никто не любит,
что лучше бы я в знаниях был таким дотошным, а то
с двоек на тройки перебиваюсь, и это в первом-то классе.
Я ненавижу этого Ваню.
К счастью, весной он с родителями переехал в Пермь
и теперь уже портил жизнь пермяцким школьникам.
Ну и за что мне это все?
Третья стадия.
За это?
Да за мое терпение мне как минимум десять очков бо-
нуса от кармы полагается. Если не двадцать.

Анна Степановна — биологичка.
С учителями как-то не очень везло.
Пожилые.
Сварливые.
Строгие.
Скучные.
Надменные.
Нужное подчеркнуть.
Все, все нужное. Учиться было неинтересно во многом
благодаря их заслугам. Им было по барабану на нас. Нам
было по барабану на князя Игоря и синус гипотенузы.
Помню, одна училка была вообще нереальным монстром,
и фамилия у нее соответствующая — Колотовкина. Она
орала на учеников, передразнивала их, называла тупыми,

тормозами, бакланами. Как-то раз она поставила мне кол, и в дневнике стояло «кол Кол» с небольшим хвостиком. Такие у нее были приколы. Не могла получше роспись придумать, что ли?

А потом пришла Анна Степановна — настоящий огонь. Жгучая брюнетка, смуглая, с восточными корнями, в теле, но не крупная, очень женственная и с невероятными, выразительными... глазами. Ну конечно, глазами. Не подбородками же. И еще родинка над губой. Эта родинка не давала мне покоя. Постоянно думал о ней и ни о чем кроме. Ни на один урок я не бежал так, как на биологию.

Я приходил самым первым.

Я прилизывал волосы.

Я повторял домашнее задание.

Я тянул руку выше всех.

Я писал ей записки со стишками.

Но никогда не отправлял.

Неудивительно, что на ее уроках были лучшие посещаемость и успеваемость учеников. Девчонки только воротили носы, но понятно было, что завидовали.

И неудивительно, что она быстро выскочила замуж, так же быстро ушла в декрет и больше не вернулась, по крайней мере в нашу чертову школу.

Вместо нее пришел уса́тый биолог. Настоящий ботаник. Мы звали его Макс и засовывали ему в сапоги снег, клали на стул кнопки, прятали мел и делали еще много чего нехорошего, входящего в список классических школьных приколов и пакостей.

Успеваемость, разумеется, резко снизилась.

Я потом еще долго не мог забыть эту родинку и встречался исключительно с девушками, у которых была подобная или хотя бы какая-нибудь мушка на лице.

Выпускной.

Пьяная Светка.

Пьяная Дашка.

Пьяная Катька.

Пьяная Надежда Валентиновна — классуха.

Пьяненький Андрей Васильевич — директор.

Пьяные родители.

Пьяные выпускники.

Все были пьяные.

И я не исключение.

Ничего особенного. Танцы, клятвы в вечной дружбе, неожиданные признания и откровения в адрес друг друга, поцелуи за лестницей, кто-то в обнимку с Катькой, кто-то в обнимку с унитазом, родители, умоляющие поучаствовать в конкурсах. Антоха и Вика закрылись в классе на четвертом этаже. Красавчики. Леха и гитара — неразлучная пара. «Моя девушка», как он ее называл. Реальной-то не было. Играть потому что надо было нормальные песни, а не его бесконечную «Я солдат». Напророчил, кстати, и с первого курса его отчислили, и пошел разгуливать по плацу. Я и Ланка тоже спрятались под лестницей, но не успели даже толком поцеловаться. Подняли крик. Вася перебрал, и его стало рвать прямо на пол в спортзале. Он был бледный, как мышь, хотя и улыбался, когда его уводили на скорой.

Все как-то резко протрезвели. Родители вспомнили, что они взрослые, отобрали весь запас топлива, кое-что, правда, удалось спрятать, стали капать на мозг, что быть взрослыми — это прежде всего ответственность, а не возможность набухиваться безнаказанно. Учителя в последний раз давали свои наставления, что нужно всегда тянуться к знаниям, даже на пенсии, потому что «знания — это свет», называли нас балбесами, но уже без злобы,

а даже как-то с грустью. Мы, хоть и самый худший класс, что когда-либо у них был, но остальные-то еще хуже.

Потом все поперлись встречать рассвет. И вроде романтика, но по трезваку нас с Ланкой так и не потянуло друг к другу. У нее была слишком маленькая мушка, еле заметная, да и светлые волосы мне никогда не нравились. А я, видимо, не особо тянул на роль долгожданного принца.

Универ.

В универ я не поступил. Подал документы на юрфак, затем на журфак. В итоге — даже близко не первый в списке. В армию идти не хотелось. Пошел в училище культуры. Хоть какая-никакая, а отсрочка. Мальчиков на режиссерском не хватало. Меня взяли даже с моим уровнем.

Я читал стихотворение Тютчева.

Я читал басню Крылова.

Я пел про «Ой, мороз, мороз» и «Катюшу».

Я танцевал вальс с какой-то коротко стриженной студенткой, сидевшей на вступительных, но мы двигались по-разному. Абсолютно вразнобой. Она смотрела на меня как на умственно отсталого. Я на нее — как на звезду погорелого театра.

Я танцевал со стулом.

Я честно сознался, что не очень люблю театр, но больше никуда не поступил, а в армию идти не хочется.

Мастера звали Александр Сергеевич. Или Сергеич, как все потом называли.

Он поблагодарил за честность.

Он сказал, вы приняты. В вас есть что-то живое, настоящее, аутентичное.

Я подумал, что он обозвал меня аутистом. Но, главное, взяли.

Первый курс.

Одноклассники уезжали в Москву.

Одноклассники учились на юристов, медиков, психологов, экономистов, лингвистов, программиста, историка.

Одноклассницы выходили замуж.

Первой замуж вышла Ланка. Приглашала на свадьбу.

Я не пошел.

Я учился на руководителя театрального коллектива и никому не рассказывал про это.

Да я вообще перестал общаться с одноклассниками.

Однокурсники были фрики.

Миша — поклонник Гарри Поттера. Гарри Поттера, Карл! На собеседовании он сказал, что посмотрел фильм про «этого самого Гарри Поттера и тайную комнату» и решил стать актером. У Миши был шрам на всю шею, стрижка под ноль и хриплый голос. Он ходил в сером пиджаке в мелкую крапинку и потрескавшихся кожаных кроссовках и постоянно пел про Жигана-лимона. Сейчас, кажется, он работает таксистом, но точно утверждать не могу, да и вообще мне по барабану, кем и где он работает. Мы с ним здоровались и то не каждый раз.

Гуля была тихоня. Узкие черные глаза, какие-то огромные темные кофты, стрижка «ежик» и тяжелые ботинки с толстыми подошвами. Ладно, хоть не готка. Не знаю, почему ее взяли на курс, но говорила она тихо, неуверенно, а вот рисовала шикарно. У меня до сих пор где-то валяется пара ее рисунков. Задумчивые драконы с короткими крыльями и печальными глазами. Почти такой же, яркий, как граффити, красовался у нее на плече. Мы все переодевались за кулисами, не стесняясь друг друга, и каждый раз я с восхищением смотрел на ее тату. Даже на репетициях она рисовала. Странно, что она не пошла в художку. Это было бы логичней.

Все думали, что Гуля лесба, по крайней мере, ее никогда не видели с мальчиками. Мне так не казалось. Пару раз по пьяни я увязывался за ней и намекал, что неплохо бы нам перепихнуться, но получал неизменные нет. Вполне возможно, у меня могли быть шансы, если бы я намекал до того, как выпитое мной стремительно и неожиданно вырывалось наружу, а не после.

А вот Вова пил в два раза больше моего и не пьянел. Вернее, он просто вырубался, а утром был как огурчик. Может, потому, что заедал исключительно огурчиками, не знаю. Меня огурчики не спасали совершенно. Но вот перегара, причем убойного, избегать ему все же не удавалось.

У Вовы были огромные уши, мелкие кудри, как у барашка, и здоровенные мозолистые руки. Вроде уже не жил в деревне и не работал, но мозоли все равно не проходили. Как и я, он не хотел идти в армию, а все это актерство ему было до одного места. На парах он сидел на последней парте и спал. Если бы это было нормальное учебное заведение, его бы будили и делали замечания, лишали стипендии и все такое, но это был обыкновенный кулек, и на Вову никто не обращал внимания. Он все время говорил: «А вот у нас в деревне» — и изображал разных дядь Вась, тетя Марусь и прочих колоритных персонажей. Делал он это, надо сказать, первоклассно, но как только доходило до репетиций Чехова и Островского, все мастерство куда-то испарялось, и Вова становился еще более деревянным, чем Миша.

Всего нас училось тринадцать человек. Остальные тоже были чудаковатыми, но не настолько.

Катя три раза поступала в театралку, но успешно проваливала. И неудивительно: экспрессия — ее второе имя. Даже «кушать подано» она произносила так, словно ее ломало от передоза. Хотя, наверное, каждый третий

заваливал вступительные на актерку института. В училище брали всех.

Юлька твердила, что театр — это рупор, и она пришла вещать всем женщинам, что они не могут называться женщинами, пока не выполнят свою священную обязанность и не пророжаются. Она именно так и говорила — «пророжаться».

«Да как ты не понимаешь, — убеждала она несчастную Гулю, — каждая, абсолютно каждая женщина должна пророжаться».

Сама она не смогла забеременеть — не все в порядке со здоровьем. Но ее даже Сергеич побаивался.

Нина фанатела от Агузаровой.

Стася писала рассказы и пьески про ангелов.

Марина красила волосы в розовый и говорила о Зощенко «тот, что про щенков писал».

Вероника — анорексичка.

Лера картавила, носила дреды, широкие штаны и читала рэп.

Тома смотрела «Дом-2», мечтала стать его участницей и несколько раз отправляла свою анкету.

А Женька хохотала как ненормальная. Всегда. Даже если никто не смеялся.

С такими людьми мне приходилось не только учить историю театра или основы звукорежиссуры, но и контактировать на сцене, играя в различных этюдах и сценках.

Хотя на парах я бывал от случая к случаю. Мастерство старался не пропускать, а на все остальное забивал без сожаления.

Обидно бывало только, когда решался-таки прийти, а пару, как назло, отменяли.

Очень часто я думал, что я здесь делаю вообще?

Хотя так каждый второй, наверное, думал.

Еще раздражали танцоры и, почему-то, оркестранты. Первые строили из себя непонятно кого, вроде как мы такие звезды-звезды, что хоть завтра в Большой театр, а вторые — очень жалкие. Так и хотелось их чмырить. С одним я схлестнулся не на шутку. У него оказались крепкие руки, на тубе, наверное, играл, но я все равно навалил ему по первое число. Правда, потом они подкараулили и отметили меня всем отделением.

Вот в этом они молодцы, держались вместе, как настоящий оркестр.

А у нас в группе все сами по себе были. Я общался только с Вовой и то, в основном, тостами, и немного с Гулей.

Сергеич говорил, что мы должны сплотиться и быть как одно целое.

Но ничего подобного не происходило.

Второй курс.

Новогодние утренники.

Новогодние утренники.

Новогодние утренники.

Это ад. Мы должны были «дедморозить» по очереди. Но «дедморозил» только я. За мероприятие я переодевался по семь раз, а если учесть, что в день у нас было по три-четыре утренника, то получалось и все тридцать. О накладках даже вспоминать не хочется. То борода отвалится, то какой-нибудь особо талантливый и расторопный ребенок как засадит со всей силы по коленке. А как знатно потелось под кучей одежек, свитером, шубой и валенками, это просто сказка — покруче всяких саун.

Вова и Миша на Дедов Морозов не тянули. Играли злодеев, пиратов, придворных, снеговиков.

Гуля была Снегурочкой.

В остальном второй курс не сильно отличался от первого.

Александр Тюжин родился и вырос в городе Оренбург. В 2006 году закончил Оренбургское областное училище культуры (ООУК), специальность — Театральное творчество. В 2011 году закончил ВГИК, специальность — кинодраматургия. Печатался в журналах «Нева», «День и Ночь», «Современная драматургия», сборниках «Восемь», «Перовестник» и др.

**Вот так живешь-живешь, а потом бац — и уже дожи-
ваешь. Врачи, диагноз, обследования. А ты еще молод,
еще ничего не успел, ничего не добился, да и нужно ли
теперь? И есть ли силы на это? Можно опустить руки и
плыть по течению, слушая песни китов, а можно собрать
волю в кулак и получить последнюю дозу удовольствия
и принести пользу людям. Тем, кто уйдет вслед за тобой,
тем, кто останется. Твой выбор?**

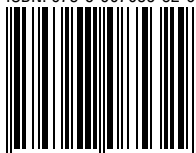

www.gorodets.ru

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ

ГОРОДЕЦ

ISBN: 978-5-907085-32-9

9 785907 085329